

МЫСЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК МЕТОД ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А.А. Яковлев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

В статье обсуждаются общие проблемы применения мысленного эксперимента в лингвистических исследованиях. Этот метод нельзя назвать распространённым по причине его специфичности. Однако мысленный эксперимент целесообразно применять в тех исследованиях, которые направлены на выяснение более точных соотношений между возможными, правильными формами и на их теоретическое обоснование. Мысленный эксперимент позволяет не ограничиваться дихотомией «правильное / неправильное», объяснять факты на основе не субъективного опыта носителей языка, а объективного содержания теоретических понятий, идти глубже в познании фактов и выявлять лежащую в их основе закономерность.

Ключевые слова: *методы языкознания, методология языкознания, мысленный эксперимент, эксперимент.*

К постановке вопроса

Известно, что первым в отечественном языкознании принцип эксперимента в явной форме сформулировал Л.В. Щерба. Под экспериментом он понимал в целом незамысловатую процедуру, в ходе которой рядовых носителей языка спрашивают, считают ли они правильными, возможными, употребимыми в речи те или иные формы [14: 32]. Если следовать логике Л.В. Щербы, то эксперимент направлен на верификацию возможностей языковой системы: если такая-то форма признаётся носителями языка как допустимая, то она не нарушает языковой системы и в принципе возможна в языковой системе (даже несмотря на то, что реально в текстах не встречается). Однако Л.В. Щерба совершенно не касался более сложных случаев, например, когда носителю языка приходится выбрать одну из нескольких равновероятных форм или, когда ему нужно определить, от каких факторов зависят их вероятности. И речевой опыт рядового носителя языка в таком случае не поможет, поскольку рядовому носителю никогда не приходится решать подобных задач, так как в его речевом опыте нет соответствующих умений. Именно здесь наиболее целесообразным мы считаем применение мысленного эксперимента.

Таким образом, цель настоящей статьи заключается в том, чтобы очертить те особенности, которые присущи мысленному эксперименту в языкознании и которые отличают его от других методов.

Эпистемологический статус мысленного эксперимента

В современной науке не существует общепринятой трактовки мысленного эксперимента. Как указывают И.В. Ковтоногов и Р.О. Исаев, «...понимание мысленного эксперимента разнится от учёного к учёному и зависит от научной направленности той сферы, в которой самоопределился этот учёный» [5: 49]. Такая ситуация вполне закономерна, поскольку сама идея приравнивания к эксперименту рассуждений и размышлений, пусть даже основанных на строгом теоретическом формализме, меняется по мере развития науки.

При этом мысленный эксперимент отличается от реального не только формально, но и по некоторым существенным содержательным и методологическим моментам [4; 8; 11; 13]. Мысленный эксперимент — это не просто эксперимент, проводимый в воображении. Он опирается на теоретический формализм соответствующей науки (систему понятий, положений, аксиом, законов и т.п.) и не может быть просто произвольным продуктом ума исследователя.

В эксперименте, за счёт самой его процедуры, в исследуемом предмете выделяются лишь некоторые свойства, которые и подлежат познанию и объяснению. Поэтому организация эксперимента и его проведение в определённой последовательности равноценны операциям абстрагирования, а многократное проведение эксперимента равноценно операциям обобщения. Объект познания только и может быть выделен через особую структуру его отношений и связей с другими объектами, **активно проявляющихся** в эксперименте.

В эксперименте изучаются не все свойства объекта, а лишь те, которые специально выделены, абстрагированы процедурой эксперимента. Кроме того, эти подлежащие познанию свойства должны стабильно проявляться в заданных условиях, т.е. должны быть каузированы именно данными условиями [12: 340, 348]. Разумеется, в силу сложности объекта познания гуманитарных наук зачастую бывает чрезвычайно сложно выделить нужные свойства предмета конкретного исследования и установить их однозначную связь с имеющимися условиями. Вот почему важно установить не только факт проявления некоторых свойств предмета в некоторых условиях, но и факт того, что в иных условиях те же свойства не проявляются. Следовательно, важно наличие как положительного, так и отрицательного материала, по выражению Л.В. Щербы, в рамках одного исследования.

Мысленный эксперимент в лингвистических исследованиях

Хотя мало кто из лингвистов осознанно выбирает мысленный эксперимент в качестве основной исследовательской процедуры своих изысканий, в некоторых работах можно встретить именно его. Остановимся на нескольких примерах, чтобы на них показать методологическую специфику таких исследований.

Исследуя особенности русского синтаксиса, Г.А. Золотова выдвигает предположение, гипотезу о том, что строительным материалом предложения являются слова, и проверяет её экспериментально — пробуя составить разные предложения из ряда слов [3: 42]. В ходе эксперимента выбранные языковые единицы проявляют те свойства, которые до эксперимента им как отдельным словам не были присущи. Вот почему автор констатирует: «Для отображения в предложении определённой ситуации внеязыковой действительности, для выражения определённого смысла недостаточно, чтобы слова называли какие-то предметы и понятия, надо знать, в каких ролях связаны предметы данной ситуацией...» [Цит. раб.: 44].

Обратим внимание на три обстоятельства: 1) для выводов, к которым приходит автор, не нужно привлекать к эксперименту испытуемых, которые оценивали бы правильность, приемлемость, допустимость тех или иных выражений; 2) вполне допустимые с точки зрения языковой системы формы сопоставляются друг с другом по строго определённым теорией критериям; 3) исследуемые формы рассматриваются как разные способы выражения схожей семантики.

Исследуя сочетаемость местоимений *все*, *всякий*, *каждый*, М.А. Кронгауз не формулирует экспериментальный метод как основной, однако уточняет понятия «интенционал» и «экстенционал», а далее формулирует гипотезу: «Противопоставление *всякий*, с одной стороны, и *все* и *каждый* — с другой, заключается в том, что они маркируют разные типы референции: *всякий* — интенциональный, а *каждый* и *все* — экстенциональный» [6: 21]. После анализа возможных и невозможных предложений (наподобие *Всякий человек смертен*; **Всякий человек умер*; *Всякий друг познаётся в беде*; **Каждый друг познаётся в беде*; **Все друзья познаются в беде*) автор приходит к выводу о верности поставленной гипотезы. Следовательно, выводы делаются на основе строго и заблаговременно определённого теоретического понятия, которое выступает тем теоретическим инструментом, с помощью которого изучаемые эмпирические объекты подвергаются изменению.

В результате **многократного** повторения экспериментальной процедуры в эмпирическом материале изменяются способы выражения референции, на основе чего можно сделать вывод о том, при каком типе референции вероятно использование местоимений *все*, *всякий* или *каждый*. Вывод автора состоит в констатации справедливости этой гипотезы: «Анализ сочетаемости и семантических различий местоимений *каждый* (*все*) и *всякий* подтверждает сделанное выше утверждение» [Цит. раб.: 28].

Обратим внимание, что при такой гипотезе неприменима стандартная процедура реального эксперимента, обозначенная ещё Л.В. Щербой: невозможно поставить перед рядовым носителем языка задачу оценить тип выражаемой референции. Участники эксперимента

могли бы только сказать, какие высказывания кажутся им правильными, а какие неправильными, но о причине этого исследователю в таком случае придётся только гадать. Следовательно, мысленный эксперимент даёт исследователю больше оснований для выводов, чем эксперимент реальный. Определение правильности или неправильности высказываний является либо подготовительной процедурой к исследованию (не экспериментом, а процедурой сбора эмпирического материала), либо, скорее всего, лишним звеном исследования, поскольку правильности или неправильности высказываний видны и самому лингвисту на основе понятий «интенционал» и «экстенционал» без дополнительного обращения к речевому опыту носителей языка.

То же самое мы видим в работе В.В. Барановой, М.Л. Федотова и С.А. Оскольской, в которой установлены закономерности выражения семантики отсутствия в чувашском и башкирском языках с дальнейшим сопоставлением полученных данных с данными татарского языка [1]. Предметом исследования выступают способы выражения одной семантической категории в разных условиях, т.е. исследуются частные случаи ее выражения. Хотя авторы пользуются языковым материалом, собранным ими во время экспедиции, искусственный отрицательный материал (т.е. создаваемый самими авторами в ходе исследования), который они приводят, делает воспроизводимую ими исследовательскую процедуру близкой к мысленному эксперименту. Сопоставление положительного языкового материала (возможных высказываний) с отрицательным (невозможных высказываний) позволяет сделать вывод: «Чувашский показатель *εok* и татарский показатель *juk* могут использоваться как атрибуты без особого выражения их подчинения, в то время как башкирский показатель *juq* требует дополнительного вспомогательного глагола» [Цит. раб.: 27]. В этом исследовании, как и в описанных выше, отрицательный материал демонстрирует то свойство, которое проявляется или не проявляется в ходе самого эксперимента в зависимости от условий употребления исследуемых показателей отсутствия, а опрос рядовых носителей языка не помог бы выявить это исследуемое свойство.

В качестве других примеров исследований, в которых авторы формулируют гипотезы и последовательно проверяют их через сопоставление положительного и отрицательного языкового материала и через анализ проявляющихся в нём исследуемых признаков языковых единиц, можно привести следующие: [2; 7; 9; 10].

Итак, мысленный эксперимент, опирающийся на непротиворечиво определённое научное понятие, с позиций которого строится экспериментальная процедура или анализируется полученный материал, позволяет **объяснить**, почему в одних условиях некоторые явления появляются, а в других не появляются — те явления, которые

рядовым носителем языка без дальнейшего объяснения оцениваются как правильные (возможные) или неправильные (невозможные).

Выводы

Безусловно, необходимо согласиться с Л.В. Щербой в том, что реальный лингвистический эксперимент необходим при определении приемлемости или неприемлемости, правильности или неправильности тех или иных языковых форм. Но эта приемлемость / неприемлемость оценивается с точки зрения рядового носителя языка, который опирается на собственный речевой опыт, который, в свою очередь, не подразумевает рационального объяснения языковых явлений. Рядовой носитель языка обычно не ставит перед собой такой цели. Но опыт и цель языковеда иные: ему важно объяснить наблюдаемые явления. Вот почему для этих целей реальный эксперимент не всегда пригоден.

Перед языковедом обычно стоит более тонкая, более специфическая задача, чем просто оценка каких-либо языковых фактов как правильных или неправильных, приемлемых или неприемлемых. Чаще всего эта задача сводится к объяснению реальных, приемлемых, правильных языковых форм и явлений с некоторых теоретических позиций. Языковед при этом выходит за границы дихотомии, или дизъюнкции, «либо правильно / возможно, либо неправильно / невозможно», а также за границы субъективного речевого опыта, и пытается показать объективным образом (на основе теоретических понятий), почему наблюдаемые формы и явления таковы.

Следовательно, мысленный эксперимент в лингвистических исследованиях является не просто дополнением к другому методу исследования, но обладает собственной спецификой и собственной целесообразностью, т.е. применимостью при определённых целях познания, при которых другие методы менее эффективны.

Для мысленного эксперимента в языкознании необходимо:

- 1) теоретическое понятие, фиксирующее некоторое языковое явление и являющееся ключевым для данного исследования;
- 2) эмпирическая форма выражения данного явления (местоимения *все, всякий, каждый* в исследовании М.А. Кронгауза, лексический состав предложений в исследовании Г.А. Золотовой и т.п.);
- 3) условия, в которых может выражаться явление, охваченное ключевым понятием (высказывания, содержащие явление, охватываемое ключевым теоретическим понятием);
- 4) как положительный, так и отрицательный материал, сопоставление которых даёт возможность для вывода о том, в каких условиях выражается, а в каких не выражается исследуемое явление, зафиксированное ключевым понятием.

Мысленный эксперимент в языкознании имеет следующие особенности:

1) не исходит из дихотомии «возможное / невозможное», языковые факты рассматриваются как частные случаи более общей категории или явления;

2) объясняет факты через непротиворечиво определённое теоретическое понятие (хотя такое определение может быть рабочим, т.е. верным только в рамках данного исследования);

3) идёт глубже в познании фактов, поскольку позволяет выявить лежащую в их основе закономерность.

Список литературы

1. Баранова В.В., Федотов М.Л., Оскольская С.А. Способы выражения отсутствия в двух тюркских языках волго-камского языкового союза: чувашском и башкирском // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. Вып. 4 (34). С. 9–31.
2. Гращенков П.В. О синтаксической селекции (группы) прилагательного // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2022. Т. 18. № 3. С. 72–103.
3. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. 6-е изд. М.: КомКнига, 2010.
4. Иойлева Г.В. Специфика моделирования и мысленный эксперимент в научном познании // Вестник Северного (Арктического) федер. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 57–66.
5. Ковтоногов И.В., Исаев Р.О. Трансформация понимания понятия «мысленный эксперимент» в контексте развития науки // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Социально-гуманитарные и экономические науки: сб. ст. Самара: Самарск. гос. архитектурно-строительн. ун-т, 2016. С. 47–51.
6. Кронгауз М.А. Слово за слово: о языке и не только. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2015.
7. Летучий А.Б. Вводят ли русские приставки прямое дополнение? // Проблемы языка. М., 2012. С. 124–139.
8. Мартишина Н.И. Мысленный эксперимент в философии права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 3 (50). С. 55–59.
9. Муравьев Н.А. Семантика глагольных форм, выражающих таксис одновременности, в финно-угорских языках // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2014. Т. 10. № 1. С. 804–809.
10. Рудницкая Е.Л. Атрибутивное употребление отглагольных имён в эвенкийском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. Вып. 2 (36). С. 47–58.
11. Сериков А.Е. О роли сознания в воображаемых и реальных экспериментах // *Mixtura verborum* 2017: человек и время. Философский ежегодник / под общ. ред. С.А. Лишаева. Самара, 2017. С. 29–44.
12. Стёпин В.С. Философия и методология науки. М.: Академический проект; Альма Матер, 2015.

13. Троицкий К.Е. Гипотеза подлинной моральной дилеммы и метод мысленного эксперимента в этике // Этическая мысль. 2021. № 1. С. 24–39.
14. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. 2-е изд. стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Об авторе:

ЯКОВЛЕВ Андрей Александрович – канд. филол. наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (199178, Санкт-Петербург, В.О., Средний проспект, 57), e-mail: mr.koloboque@gmail.com

THOUGHT EXPERIMENT IN LINGUISTICS

A.A. Yakovlev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Saint Petersburg

The paper discusses the general problems of using thought experiments in linguistic research. This method cannot be called widespread due to its specificity. However, it is advisable to use a thought experiment in those studies that are aimed at clarifying more precise relationships between possible, correct forms and their theoretical justification. A thought experiment allows one to go beyond the “right/wrong” dichotomy, to explain facts based not on the subjective experience of native speakers, but on the objective content of theoretical concepts, to go deeper into the knowledge of facts and to identify the underlying pattern.

Keywords: *methods of linguistics, methodology of linguistics, thought experiment, experiment.*

About the Author:

YAKOVLEV Andrey A.– Candidate of Philology, Associate professor, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (199178 Russia, Saint-Petersburg Sredny prospect VO, 57/43); e-mail: mr.koloboque@gmail.com

© Яковлев А.А., 2024

Статья поступила в редакцию 05.04.24
Подписана в печать 09.04.24